

Он наслаждался объятиями Бай Сяо, наслаждался его снисходительностью, и вдруг подумал: Бай Сяо так много выразил, а он всё только принимал, никогда ничего не отдавая взамен, даже словом не обмолвился. Разве это справедливо по отношению к Бай Сяо?

Что же сказать?

Пока он предавался беспорядочным мыслям, Бай Сяо тоже размышлял: Чэн Юэ всегда боится, что ему причинят вред, может, потому что в его глазах он слишком слаб... Не сказать ли ему свою истинную сущность?

Он долго думал и наконец заговорил:

— Вообще-то... я всегда хотел тебе сказать...

Но вдруг губы ему перекрыл палец.

Чэн Юэ высвободился из его объятий, глубоко посмотрел ему в глаза и, немного нервно, сделал глубокий вдох.

— Не ты, давай я скажу.

Кадык Чэн Юэ дрогнул. Он нервничал, однако на этот раз не отвел глаз, как делал обычно.

Думая о том, что сейчас скажет, Чэн Юэ чувствовал, как чувства в его душе, подобно весенним росткам, пробиваются сквозь почву. Раньше у него никогда не было такого порыва, такого острого желания выразить свои чувства.

— Я... — Чэн Юэ снова глубоко вздохнул. — Вообще-то, вскоре после твоего появления я понял, что ты не такой, как все.

Бай Сяо остолбенел. Это было слишком неожиданно, однако его сердце невольно забилось чаще.

— Я люблю тебя, — вырвалось из глубин души.

Чэн Юэ никогда не думал, что сможет так легко выразить свои чувства.

Бай Сяо ошеломлённо смотрел на него, в голове была пустота, и он даже сомневался, реально ли это.

— Я всегда думал, что не могу... но... я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты стал моей семьёй. Я хочу поехать с тобой за границу, пожениться, вместе растить Маленького Саженца... вместе...

Не дав ему договорить, Бай Сяо больше не мог сдерживаться, отстранил его руку, наклонился и поцеловал его в губы.

Дыхание было безжалостно перехвачено, оба быстро разгорячились и помутнели рассудком. Чэн Юэ раньше и не знал, что поцелуй может быть таким страстным и в то же время полным нежной томности...

Неизвестно, сколько времени прошло, когда они наконец разъединились. Бай Сяо нежно погладил его по щеке и сказал:

— Я тоже.

Он снова приблизился, нежно касаясь губами его губ:

— Поэтому никогда больше не отталкивай меня, понял?

...

Время летело быстро, и скоро настал момент расставания с Бай Сяо.

Бай Сяо прислонился головой к животу Чэн Юэ и уныло сказал:

— Ах... всё, не хочу уходить.

Чэн Юэ обеими руками погладил его лысину:

— Давай, иди, а то опоздаешь на самолёт — будут проблемы.

— Маленький Саженец ещё не попрощался со мной! — Бай Сяо легонько ткнул пальцем в его слегка округлившийся живот.

— Он спит, ему не до тебя... Когда вернёшься, он уже будет шевелиться заметнее.

Бай Сяо наконец поднялся, действительно пора было идти, иначе он и правда мог не успеть.

Уходя, он поцеловал Чэн Юэ в лоб и сказал:

— Береги себя, не забывай отвечать на сообщения, чтобы я не волновался, ладно?

Чэн Юэ кивнул и проводил его взглядом.

Спустя два часа в самолёте Бай Сяо смотрел на становящиеся всё меньше здания на земле, и настроение у него то взлетало, то снова омрачалось.

Сегодня было слишком мало времени, да и атмосфера не подходила, так что о своей истинной сущности Чэн Юэ он так и не рассказал. Неизвестно, когда же будет подходящий момент...

Когда придёт время, наверное... прибьют же...

Хотя Бай Сяо и был второстепенным персонажем, в начальных эпизодах у него было немало сцен, и в спешке он успел завершить съёмки до Нового года.

День возвращения в Пекин как раз пришёлся на тридцатое число двенадцатого лунного месяца, а за несколько дней до этого Чэн Юэ уже был в Америке.

Днём Бай Сяо вышел из самолёта, включил телефон и увидел сообщение от Чэн Юэ — это была фотография. Длинная, изящная, бледная рука лежала на обложке книги, книга лежала на круглом столике из массива дерева, на краю стола виднелись растущие неподалёку суккуленты. Обложка была усыпана звёздами, солнечный свет отбрасывал тень оконной решётки на руку и книгу, создавая ощущение умиротворения и тепла.

[Наконец-то дочитываю, последний том]

Этой книгой был «Легенда о героях Галактики 10».

После того признания они пробыли в разлуке больше месяца, однако на этот раз разлука была

подобна медовому месяцу. Всегда пассивный и холодный Чэн Юэ вдруг стал сам присылать ему сообщения. Зачастую они просто делились самыми обычными будничными моментами, но Бай Сяо каждый раз читал эти повседневные записи с огромным интересом.

Бай Сяо смотрел на фотографию по пути из аэропорта и не мог сдержать улыбки. Вдруг ему показалось, что на той бледной изящной руке чего-то не хватает.

*

Сначала он ещё надеялся, что в январе, может, удастся вернуться и повидаться с Чэн Юэ, но времени выкроить так и не удалось. К тому моменту, как он завершил свои сцены, Чэн Юэ уже не было в стране. Тот решил провести оставшуюся часть беременности в Америке, чтобы избежать любопытных взглядов и пересудов дома.

Друзья думали, что он уехал лечиться и отдыхать за границу, что естественным образом избавило от многих проблем.

Бай Сяо изначально хотел встретиться с ним Новый год, но Чэн Юэ приказал ему не приезжать, а как следует побыть дома, встретить праздник с родителями.

И это было кстати, как раз у него было многое, что он хотел сказать родителям.

В тридцатый день двенадцатого лунного месяца повсюду на улицах царила праздничная атмосфера, рядами висели красные фонари, а дома уже сменили парные новогодние надписи.

Под вечер Бай Сяо наконец добрался до двери, как зазвонил телефон — госпожа Е Сянъи прислала сообщение в WeChat:

[Где ты? Встретить тебя?]

Бай Сяо улыбнулся и нажал на звонок.

Дверь открылась, и первым, кого увидел Бай Сяо, было лицо его отца, Бай Цзюньчэна. Тот, похоже, тоже только что вернулся, ещё не переделся с костюма, и, увидев Бай Сяо, сказал с недовольным видом:

— О, а ещё помнишь дорогу домой?

— Тогда я пошёл, — сказал Бай Сяо.

Тут же отец схватил его за капюшон сзади и втолкнул обратно в дом:

— Мелкий негодяй, ещё смеешь со мной, с отцом, дерзить!

Е Сянъи рядом покатывалась со смеху:

— Ладно тебе, Бай Сяо, твой папа просто цундере. Только ты позвонил в дверь, а он с дивана рванул быстрее меня, я уже хотела открыть, а он меня так и отпихнул.

— Правда? — Бай Сяо поднял бровь, глядя на отца.

— Чистейший вымысел, — Бай Цзюньчэн захлопнул дверь и даже запер её на задвижку, с неловким видом скрестил руки на груди и направился в гостиную.

Е Сянъи не выдержала:

— Ха-ха-ха, ещё и замок задвинул, сын же уже вошёл, никуда не денется, ха-ха-ха-ха...

Бай Сяо и Бай Цзюньчэна Е Сянъи заставила побыстрее переодеться, а сама пошла на кухню приготовить и разложить по тарелкам еду.

Спустившись вниз, Бай Сяо увидел на столе дымящиеся пельмени и с удивлением спросил:

— У вас вообще было время лепить пельмени дома?

— Какой там! Мы с ним за месяц и пару раз не видимся. Это бабушка налепила и прислала.

— ... Значит, опять постные?

В этот момент спустился и Бай Цзюньчэн, шлёпнул Бай Сяо по затылку:

— Мелкий негодяй, рад, что вообще есть что поесть, ещё разборчивый... Завтра заставлю мать сварить тебе целую свиную рульку, чтоб обожрался до тошноты.

— Вау, так жестоко? — Звучало действительно тошнотворно!

Переругиваясь, они уселись за стол. Е Сянъи раздала им палочки и спросила:

— Бай Сяо давно не был дома, выпьем немного за это?

— Отлично! — Бай Сяо тоже давно не пил хорошего алкоголя, и при словах матери у него сразу потекли слюнки.

— Недавно опять припасла немало хорошего алкоголя, выбирай сам из винного шкафа.

Вскоре Бай Сяо вернулся, неся бутылку арманьяка Chabot 1976 года.

Е Сянъи посмотрела на бутылку, потом на него:

— Парень, а у тебя сейчас вкус есть~ Этот напиток недёшев, тётя Чжоу как-то подарила мне две бутылки.

— Что, жалко? — спросил Бай Сяо.

— Какая жалко! Открывай! Хороший алкоголь всегда найдётся, а вот собраться вместе — нечасто. Новый год же, какой бы дорогой ни был напиток — не жалко, открывай.

Бай Цзюньчэн смотрел на них с некоторым пренебрежением:

— Открываешь такую хорошую бутылку арманьяка, а закусывать собираешься одними пельменями?

— А ещё есть рубцы и уши. Не надоело тебе на улице целыми днями жирное-мясное?

Бай Цзюньчэн украдкой придвинулся поближе:

— А разве нет тех трюфелей, что купили раньше? Давай, быстрее.

Вид был просто жадный до невозможности.

Е Сянъи бросила на него взгляд:

— Так и знала, что ты к этому клонишь. Сдохни с голоду.

Бай Сяо смотрел на них и не мог сдержать смех.

<http://bllate.org/book/15597/1390898>